

Поезд провожают аисты.

Большие, ширококрылые, черная кайма на белых перьях. Небо перед закатом выкрасили тремя мазками: бледно-желтым, молочно-розовым и голубым. Предгорья тускнеют: серый не покрывает их, но проступает сквозь. Картинка по ту сторону оконного стекла многослойная, будто несколько слоев плотной ткани положили один на другой. Фоном – небо; матово-синее, цвета чистой небесной голубизны. Следом – горы; те, что подальше – плавной, мягкой кривой черченная волна хребтов. Темно-серая даль, дымчатый кашемир. Потом – горы еще и еще, перекрывая друг друга, серые, тусклые – дальние и чернильно-черные – ближние. Над линией гор небо с почтением рисует ореол.

Если и рисовать здесь нимбы, то только вокруг них.

Потом приходит закат. Нежный лиловый шелк, вкрадчивый переход в сильный оранжевый, пылающий из-за гор. Усыпанные валунами предгорья из-за двухмерности картинки наслаиваются друг на друга, будто отрезки ткани разной текстуры. Зеленый здесь смешан с серым, и получился густой, гуашевый, сложный цвет. Вот на полотне появляется крохотный, почти неразличимый глазом силуэт автомобиля. На носу – алмаз зажженной фары. Ровно движется и вдруг скатывается вниз и пропадает среди холмов.

Аисты – единственные, кто не припильен к двухмерной картинке. Огромные, как паруса, двуцветные крылья – как свободные росчерки на небесном полотне. Когда становится совсем темно, вдаль, у подножия дальней горной цепи, видно россыпь рыжих блесток – это Турция, и здесь, по эту сторону границы, ловишь себя на мысли, что смотришь туда с недоверием.

С водой и воздухом в тебя входит армянский дух.

С заходом солнца становится прохладно, намаившиеся от жары люди обмякают и высовывают в открытые форточки руки. Тонкие, смуглые запястья молодой чернобровой армянки на фоне гор. Ветер ходит по вагону, окутывает, и это удивительно осязаемое, особое тактильное ощущение. Поезд едет покойно, не торопясь, нисколько не нарушая гармонии окружающего его пространства. Рельсы его пустили корни в сухую каменистую землю. Окна его помнят каждый изгиб горных цепей. Стук его колес перекликается с птичьими криками. Если высунуть голову в форточку, цвета, запахи и встречный ветер приобретают объем и выбивают дух из груди, и хочется крикнуть что-нибудь, чтобы голос взвился к аистам и остался там, в этих предгорьях. Если повернуть голову, видно, как рельсы делают поворот и последний, четвертый вагон электрички скользит по ним. Иногда горы обступают поезд совсем близко, и неба не видно, а иногда, наоборот, электричка

